

СБИТЫЙ ЛЁТЧИК

Один раз я случился без денег. В начале 90-х челночил Китай — Приморье — Камчатка, мотался туда-сюда. Туда с товарами, оттуда с мощной. Сразу скажу, что челночил честно: пуховики с куриными перьями, высыпавшимися из подмышек, не возил.

В основном рейсы были из Владивостока до Хабаровска, там пересадка и финальный вылет на Камчатку, в Елизово. Денег у меня было настолько в обрез, что я даже от еды в самолёте отказывался, будучи уверенным, что это за отдельную плату: все средства уходили на колониальные товары.

Один из таких рейсов я совершал поздней весной. Несмотря на то что Владивосток на одной широте с Сочи, лето там наступает в конце июня. В мае же ещё лежит снег, дует мокрый ветер и рейсы отправляются кое-как, а забитые до отказа самолёты тяжело отрываются от земли, как жирные осенние гуси.

Вылетел я в Хабаровск в военной зимней экипировке: лётная меховая куртка, верблюжий свитер, собачьи унты, шапка-ушанка и рукавицы с начёсом.

Начало 90-х — это сказочное время перемен, когда ты каждый день просыпаешься в новой стране. Пока я летел, цены на самолётные перелёты выросли в два раза. И за недолгое — около 40 минут — время полёта события развивались без уведомлений, новостей и сигнальных зелёных ракет.

Приземлился я в Хабаровске с суммой, равной половине требуемой, чтобы продолжить трансдальневосточный перелёт до Камчатки. Или ещё меньше.

Быстро сдал багаж в камеру хранения и тут же бросился к переговорному пункту, чтобы позвонить друзьям и попросить их прислать денег. Остатков хватило на полторы минуты разговоров. Пока я летел, телефонные переговоры и их стоимость тоже не дремали.

В кармане у меня осталось денег на то, чтобы умереть стоя, а в сумке болталась пара китайских розовых бюстгалтеров и что-то ещё, в чём я совсем не разбираюсь.

Перевод должен прийти через три дня. И я пошёл бомжевать.

Я бродил бесцельно по улицам, знакомясь с городом. Просторные улицы чем-то напомнили Харьков. В небе ни облачка.

Первую ночь я провёл в городском парке.

Я скукожился на лавке, сев поближе к урне: оттуда вкусно тянуло беляшами. Запах бодрил всю ночь до головокружения.

На следующий день я твёрдо решил выспаться.

Огромная афиша на фасаде кинотеатра приглашала на «Калигулу». Вздремнуть под исторический костюмированный фильм всего за несколько рублей — а почему бы и нет? О, как же я ошибся!

То, что творилось на экране, не позволяло сомкнуть глаз. Я был уверен, что попал в какой-то притон на закрытый показ. Чем дальше шло действие на экране, тем исторический фильм становился всё менее костюмированным. Пока костюмов вообще не осталось.

В зале сидело человек десять, а к середине сеанса остался только я. Все приличные люди, матерясь, вышли из зала.

А я опять не выспался.

Тем временем начался третий день моего голодного существования в малознакомом городе.

И я решил выживать.

Для начала надо было помыться: жить летом в зимней одежде — это очень неудобно и негигиенично. Я стал спрашивать прохожих, где у них тут пляж. Прохожие от меня шарахались, пока какой-то алкоголик понимающе не показал правильное направление.

Я подошёл к обрыву. Передо мной раскинулся Амур. Ну, не совсем передо мной — будет он тут перед деклассированными элементами раскидываться. Он проистекал сам по себе.

И тут у нас поворот сюжета.

Дело в том, что, когда в мае во Владивостоке бушуют зимние ураганные ветры, в Хабаровске уже загорают, изнемогают организм холодной газировкой и отгоняют младенцев от линии прибоа.

Я спустился на пляж и остановился, щурясь от солнца. Впереди зашуршал галькой Амур.

Галькой зашуршал не только Амур. Перепуганные моим видом люди стали с удивлением приподниматься со своих полотенец и снимать солнцезащитные очки.

Я обернулся: не тянется ли за мной парашют со спутанными стропами? Образ сбитого лётчика мне удался на славу.

Внезапно я сделался героем пляжа. Ни одна звезда кинематографа даже в Каннах не привлекала к себе столько внимания. С дальних краёв пляжа стали подтягиваться любопытные. В синих семейных трусах я подошёл к кромке прибоя, разбежался и бухнулся в воду.

Водная часть шоу собрала ещё больше зрителей. Я плавал то кролем, то брассом, то на спине. Я нырял и выныривал, выпрыгивал из воды и танцевал на хвосте. Соврал, на хвосте не было.

Я вышел на берег в ожидании аплодисментов. Но вокруг стояла тишина. Подошёл к сумке: надо было чем-то вытереться.

Достал ярко-розовый бюстгальтер, чуть отстранил от себя и навёл его на солнце, чтобы убедиться в его wet-пригодности.

По пляжу пронеслось тяжкое «ой-ё».

Я стоял со знаменем-лифчиком цвета фуксии в руках и выдерживал мхатовскую паузу.

Вторым извлечённым из сумки предметом оказалась чёрная штучка в кружевах по периметру. Нечто подобное я видел в одном немецком фильме на кассете VHS. Вроде нормально — для вытирания пойдёт. Я приложил это чёрное с ляжками к животу. Совсем рядом заплакал ребёнок. Я вытерся и лёг прямо на гальку погреться, подложив ядовито-розовый лифчик под голову.

Меньше чем через минуту на меня легли две тени.

Вынул затылок из чашечки лифчика. Передо мной стояли два спасателя. Я приподнялся на локте:

— Мужики, дайте закурить!

Чуть позже, выслушав мой рассказ о приключениях в их гостеприимном городе, они пригласили меня к себе на станцию, набулькали стопарик, угостили бутербродами, дали немного денег и пачку сигарет.

Довольный, я поехал на автобусе на главпочтамт. Там меня уже ждал перевод.

С билетом на завтрашний рейс я провёл комфортабельную ночь в аэропорту на отличного качества картонной коробке из-под телевизора, расстеленной прямо на бетоне зала ожидания. Завистники перешагивали через меня в поисках места, где можно было бы досмотреть свои прерванные сны.

Когда взлетал самолёт, я посмотрел вниз на удаляющийся город, пытаясь разглядеть полюбившийся мне пляж. Но самолёт стремительно набирал скорость, начались облака, и я занялся тем, чем занимаются пассажиры всех авиакомпаний мира: стал думать о хорошем и о Боге.

Любому лётчику известно, что самолёты летают не на керосине, а на молитвах их пассажиров.